

накажет – уверен русский человек.

Список литературы

Быков Д. О новом романе Захара Прилепина [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://ru_bykov.livejournal.com (дата обращения: 16.01.2016).

Голев М. «У нас власть не советская, у нас власть соловецкая» (специфика раскрытия лагерной темы в творчестве А. Солженицина и З. Прилепина) [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://ru_zaharprilepin.ru (дата обращения: 12.01.2016).

Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. – СПб. : Азбука, 2013. – 384 с.

Достоевский Ф.М. Н.Д. Фонвизиной // Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. – Т. 15. – СПб., 1996. – С. 95–98.

Прилепин З. Обитель. – М. : АСТ, 2014. – 746 с.

Розанов В.В. О Достоевском [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/dost.html> (дата обращения: 11.01.2016).

HEROES WITH A “RUSSIAN SOUL” IN NOVELS BY Z. PRILEPIN “ABODE” AND F.M. DOSTOEVSKY “THE HOUSE OF THE DEAD”

The Article is devoted to the comparison of novels by Z. Prilepin «Abode» and F.M. Dostoevsky «The house of the Dead». The author reveals parallels between texts and dwells on the review of the protagonists. The main character traits reflecting the mentality of Russians are identified and researched that allows to define A.P. Gorjanchikov and Artem Goryainov as heroes with a “Russian soul”.

Keywords: comparison, protagonist, episode, image, “Russian soul”.

УДК 82.09

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕТРАЛОГИЯ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ

А.О. Фомиченко

*Научный руководитель: Л.В. Жаравина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

В статье рассматривается автобиографическая тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» в контексте прозы русской эмиграции, а также в соотнесении с литературным процессом эпохи Русского зарубежья. В результате выявлены индивидуальные авторские элементы жанра автобиографии на фоне истории литературной прозы начала XX столетия. Определена важнейшая временная составляющая текста. Сделан вывод о том, что Б.К. Зайцев создал художественный текст-метафору, в котором определенный факт облекается в символ для решения важнейшей авторской сверхзадачи – сохранения собственной национально-культурной идентичности на фоне эпохи прошлого.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев; автобиографическая тетралогия; автобиографизм; эмиграция; Русское зарубежье; эмигрантская проза.

Проза писателей-эмигрантов и ее становление, по мнению большинства исследователей (В.В. Агеносов, П.В. Басинский,

Т.Г. Симонова), явилась одной из ярких и противоречивых форм проявления авторской позиции в условиях эмиграции. В начале XX в. русские философы-персоналисты (М.О. Бердяев, Н.А. Лосский, С.Л. Франк) объявляют главной проблемой эпохи судьбу отдельного человека. Авторы многократно подчеркивали роль личностного начала в творчестве эмигрантов.

Следовательно, одна из целей их творчества – описание событий своей жизни, в том числе событий внутреннего мира, фиксация различных объективных деталей: времени и места события, географических и исторических подробностей; вместе с тем, вводятся лирические, драматургические фрагменты, передающие субъективность авторского взгляда. Отсюда общими чертами, характеризующими творчество писателей русского Зарубежья, признаются тяготение к обобщенности в изображении исторических событий, стремление к созданию циклов, а также привлечение автобиографического материала. Большинство авторов начинает осознавать себя хранителями и продолжателями русской национальной культуры, видеть свой долг в сохранении гуманистических традиций [Агеносов 1998: 64]. Не в меньшей степени писателей-эмигрантов интересует на протяжении всего их творческого пути отношение к Богу, его мучительный поиск, смысл жизни, предназначение человека, ответственность за все произошедшее в стране. Авторская память как предмет повествования, ретроспективность, роль личностного начала и субъективный характер повествования – все это присуще эмигрантской прозе [Смирнова 2012: 136]. При этом жизнь понимается как пограничная ситуация, что обусловлено стремлением художника реализовать «разорванность» сознания, идею разобщенности мира и человека. Так, образы «дома» и «родины» выделяются исследователями как ключевые, они занимают ведущее место в эмигрантской литературе, фиксируют отношение писателя к утраченной родине, к семье, к системе прежних социальных и духовных связей [Анисимова 2004: 26]. В связи со значением «дом» противопоставительным становится мотив бездомности. «Дом» у эмигранта – это то место, где личность чувствует себя любимым, нужным, необходимым. Поэтому, по нашему мнению, именно личность эмигранта и индивидуальное художественное сознание является критерием и точкой отсчета в изучении прозы эмигрантов. Каждый из писателей производил индивидуальный отбор материала, соотнося свою личную позицию с собственным мироощущением и выстраивая личную философию.

Так, анализируя литературную ситуацию эмиграции 1920–1930-х гг., мы пришли к выводу о том, что произведения А. Куприна, Б. Зайцева, М. Осоргина, В. Набокова, И. Бунина представляют собой художественно объективированную форму мемуарного жанра с воссозданием

пластического облика реального мира. Однако авторское начало в их прозе чаще всего подчиняет себе остальные составляющие текста, поскольку их выбор обусловлен субъективным, а именно личным отношением художника.

Русская литература XX века периода эмиграции немыслима без имени Бориса Константиновича Зайцева. В его творчестве путь человека выстроен по восхождению к постижению смысла жизни, рассказчик выступает в роли наблюдателя, повествующего о жизни отделенного от него персонажа. Сам писатель признавался, что в эмиграции за полвека создал едва ли не самое свое значительное: «Я рано начал писать, – вспоминает он, – но зрелости художественной достиг поздно. Все, что написано более или менее зрелого, написано в эмиграции» [Зайцев 1999: 588].

Пережитое, страдания и потрясения вызвали в Зайцеве религиозный подъем. Именно то, что Россия на всю его жизнь осталась в сердце, придавало ему сил во все времена, помогало стоически нести тяжкий крест изгнанничества, давало возможность создать на чужбине произведения, превзошедшие все то, что им сделано ранее.

Особое место в ряду эмигрантской прозы, по нашему мнению, занимает автобиографическая тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». Роман состоит из четырех частей, которые имеют заглавия, метафорически называющие различные периоды человеческого развития: «Заря» (детство), «Тишина» (отрочество), «Юность» (юношество), «Древо жизни» (зрелость). Ведущий мотив каждого романа – конкретный психологический облик авторского «я» того или иного периода. Так, «Заря» – безмятежное существование ребенка, заполненное бесконечными играми, развлечениями и мечтаниями. «Тишина» – духовное становление подростка, его нравственные, творческие и религиозные поиски. «Юность» посвящена социализации героя, поискам самого себя в этой жизни, его творческому самоопределению, главные события – любовь, обретение своего дома и семьи. «Древо жизни» рисует зрелость Глеба в общем потоке бытия, утверждение себя как писателя, подведение итога жизненного существования. Кропотливые наблюдения писателя за психологическим развитием и становлением личности заслуживают самого пристального интереса читателя: ведь образ Глеба становится образом целого поколения русской интеллигенции, чья жизнь совпала с трагическими событиями эмиграции.

Герой автобиографии предстает в вечном образе путника, странника, идущего сквозь земные пределы к миру иной реальности, а мифологемы пути и поиска приобретают дополнительные коннотации, что предполагает, прежде всего временной образ жизненного пути Глеба. Авторская метафора «путешествия», вынесенная в заглавие всего цикла,

по нашему мнению, имеет два символических значения: прямое, то есть пространственное перемещение, и переносное: жизнь человека – это путь во времени. Так образ писателя-изгнанника перерастает в образ писателя-путешественника, в котором развито личностное начало, а именно – выражена попытка духовно сблизиться с героями романа.

Таким образом, авторская позиция определяется, с одной стороны, пристальным вниманием к внутреннему облику Глеба, его чувствам, мыслям, переживаниям, с другой – стремлением соотнести жизнь одного конкретного человека с жизнью и судьбами общества на момент трагической эпохи. Ведь основная мысль тетралогии – время, являющееся переломным для главного героя и для его страны.

При этом Б.К. Зайцев выстроил факты своей жизни по определенной модели, создав собственный автобиографический миф, превратив себя из человека в человека-текст. Именно поэтому в основе сюжета тетралогии лежат биографические факты жизни писателя; воспроизведены некоторые эпизоды его юности, описаны места проживания его семьи; в героях узнаваемы реальные люди.

Важно и то, что имя Глеб неразрывно связано с именем Борис. Такая замена не случайна, и это еще одно доказательство сложного сочетания в зайцевском повествовании истинно реального и вымышленного. Вокруг этого имени возникают ассоциации, уходящие вглубь феномена древнерусской святости, что особенно важно для писателя-эмигранта внешне, и, соответственно, для темы страдания, связанной с утратой родины и вынужденным изгнанием, внутренне. Также писатель охотно использует концепцию автофикции, а именно «прогнозирует самого себя в вымышленном, фикциональном мире, где мог бы оказаться, но не находился в действительности» [Болдырева 2007: 5]. В результате авторская память оказывается порождающим механизмом, моделирует художественную реальность произведения, создает автобиографический подтекст на основе авторского прошлого. Так, Борис Зайцев указывает, что его произведение «обращено к давнему времени России, о нем повествуется как об истории» [Зайцев 1999: 591]. Основанный на таком восприятии времени тип художественного сознания М.М. Бахтин обозначает как автобиографический: «В обжитом внутреннем пространстве, вдали от порога, люди живут в биографическом времени: рождаются, проживают детство и юность, вступают в брак, рожают детей, стареют, умирают» [Бахтин 1979: 314]. По мнению М.М. Бахтина, этому типу художественного сознания соответствует биографическая форма романа с разновидностями исповедальной и житийной формы и семейно-биографический роман с биографическим временем, вполне реальным, все моменты которого «отнесены к целому жизненного процесса» [Бахтин 1979: 236]. Эти черты в полной мере раскрывают жанровую специфику

«Путешествия Глеба», которую Зайцев обозначил следующим образом: «Это история одной жизни, наполовину автобиография», «покаянный мотив в известной степени проходит через все» [Зайцев 1999: 591]. Отсюда время в зайцевской тетралогии обратимо, в основе повествования лежит ретроспекция – возвращение в прошлое, к истокам жизни, своеобразное «путешествие» в былое. Развитие автобиографии обусловлено постепенным изменением авторского сознания, переходом от информации об основных событиях его жизни в первичном тексте к тексту, имеющему достаточно сложный временной обхват и показывающему отношение повествователя к своему прошлому, к себе в нем.

Таким образом, Б.К. Зайцев стремился создать не столько фактически достоверную автобиографию, сколько художественный текст, в котором конкретный факт получает обобщенно-символическую трактовку с учетом эпохи. Художник стал одним из тех авторов-эмигрантов, которые в основном и были главными героями прозы, настойчиво искали собственное назначение в изменяющемся мире. Поэтому жанрово-стилевое своеобразие тетралогии «Путешествие Глеба» заключается в раскрытии главной темы – изгнание и возвращение, а также воспроизведение и сохранение культурного фона эпохи прошлого; утверждение значимости человеческой личности в условиях эмиграции.

Список литературы

- Агеносов В.В.* Литература русского зарубежья (1918–1996). – М. : Terra : Спорт, 1998. – 543 с.
- Анисимова М.С., Захарова В.Т.* Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского Зарубежья : монография. – Нижний Новгород : НГПУ, 2004. – 154 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
- Болдырева Е.М.* Автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль : [б.и.], 2007. – 30 с.
- Зайцев Б.К.* О себе // Зайцев Б.К. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 4 : Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – М., 1999. – С. 587–592.
- Смирнова А.И.* Литература русского зарубежья. 1920–1990 : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2012. – 640 с.

AUTOBIOGRAPHICAL TETRALOGY B.K. ZAITSEV «GLEB'S JOURNEY» IN THE CONTEXT OF RUSSIAN EMIGRE PROSE

The article deals with B.K. Zaitsev's autobiographical tetralogy "Gleb's Journey" in the context of Russian emigration prose, and also in correlation with the literary process of the era of the Russian Diaspora. The results reveal individual elements of the autobiographical genre in the history of literary prose of the early XX century. The author identifies the major temporal component of the text. It is concluded that B.K. Zaitsev created an artistic text, as a metaphor, in which certain fact was clothed in the symbol to

solve his main task, namely to preserve his own national and cultural identity against the backdrop of the past.

Keywords: В.К. Zaitsev, autobiographical tetralogy, autobiographysm, emigration, Russian abroad, emigrant prose.

УДК 82-09

ФОРМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИИ В ПРОЕКТЕ ГРИГОРИЯ ЧХАРТИШВИЛИ «АНАТОЛИЙ БРУСНИКИН» В РОМАНЕ «ДЕВЯТНЫЙ СПАС»

Е.И. Попкова

*Научный руководитель: Т.Н. Бреева,
доктор филологических наук, доцент (К(П)ФУ)*

В статье рассматривается проблема концептуализации истории в литературном проекте Г. Чхартишвили «А. Брусникин», в частности, в его роман «Девятный Спас». Выделяются четыре жанровые стратегии, на основе взаимодействия которых происходит формирование авторской концептуализации истории.

Ключевые слова: литературный проект, концептуализация истории, формы репрезентации исторического дискурса.

Литературный проект Г. Чхартишвили «Анатолий Брусникин» включает в себя три романа: «Девятный Спас», «Герой иного времени», «Беллона». В каждом из них концепция истории неизменна, однако формы ее концептуализации различны. Так, «Герой иного времени» и «Беллона» апеллируют, прежде всего, к крымскому и кавказскому текстам русской литературы. В этом смысле «Девятный Спас» отличается от двух других романов, демонстрируя игру с жанровыми стратегиями (сказочной, былинной, авантюрно-исторической и исторической), которые и становятся способами концептуализации истории.

Интерес Г. Чхартишвили к историческим событиям, носящим переломный характер, объясняется попыткой создания и раскрытия некоего внутреннего механизма развития российской истории. Именно эта попытка создает излюбленные писателем точки бифуркации, позволяющие рассмотреть и осмыслить исторические события с новой точки зрения. В произведении «Девятный Спас» подобной точкой бифуркации оказывается петровская эпоха. Ранее Г. Чхартишвили уже обращался к этому периоду в произведении «Алтын-Толобас», где образы Петра и Софьи появлялись эпизодично. В «Девятном Спасе» жанровая стратегия исторического романа представлена более полно, формируя достаточно традиционный исторический фон, включающий в себя не только прописанные образы исторических деятелей, но и панорамный образ эпохи. Последний аспект становится определяющим для «Девятного Спаса»; если образы Петра и Софьи представлены, как и прежде,